

Елена Новокрещенова

16+

Приходи попрощаться

Елена Новокрещенова
Приходи попрощаться

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Новокрещенова Е.

Приходи попрощаться / Е. Новокрещенова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что произойдет, если однажды вечером ваша машина сломается на заброшенной подмосковной дороге? Сможете ли вы не побояться отсутствия связи и отыскать помощь в глухом лесу? За одну ночь героиня повести успевает отчаяться, найти ночлег и стать участницей событий, которые полностью изменят привычное существование среднестатистической москвички. Мистика или реальность, сны или трансляция действительности, любовь или противление — днём и ночью она будет искать ответы, но когда отступит страх, ей придётся сделать выбор и начать собственную контригру...

© Новокрещенова Е., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Моему мужу.

Без тебя ничего бы не случилось

Ветер беспардонно проникал между многочисленными пуговицами и замками, сквозь тонкую рубашку и бельё, лапал, заставляя поёживаться. Пальцы инстинктивно сжимались в миниатюрных карманах курточки, а ноги машинально пританцовывали. Не сказать, что было холодно до стука зубов, но замёрзнешь по-настоящему на открытой всем ветрам трассе – уже не согреешься. Если верить навигатору, до ближайшего жилья больше сорока километров – идти не имело смысла, да и шпильки не располагали к непредвиденной прогулке. Солнце уверенно пряталось за лесной горизонт, погружая в неприятный полумрак перепаханное осеннее поле, придорожную жухлую траву и бессмысленную металлическую игрушку, которая час назад привезла Алису в это забытое всеми место.

Надежда уползла вместе с солнцем. Ли в последний раз взглянула на мёртвый телефон и спрятала его в карман – связи не было. Эта просёлочная дорога подвернулась случайно. Ей пришлось искать объезд дикой пробки на главной трассе, чтобы попасть домой сегодня, а не через неделю. Что произошло дальше, почему машина резко встала, она так и не поняла. В механизмах Алиса разбиралась на уровне электрочайника, поэтому даже не пыталась что-то сделать. После безуспешных попыток уговорить машину сдвинуться или хотя бы завестись, ничего не оставалось, как ждать. Увы, вызвать автопомощь она не могла, а дорога была настолько безлюдной и заброшенной, что казалось, по ней передвигались только ёжики. На обочине сквозь смесь глины и камней пробивались чахлые стебли травы, природа грозила обрушить свою мощь и сравнять рукотворное чудовище с общим ландшафтом. Перспектива ночевки в лесу и утренних поисков места, где телефон начнет принимать сигнал, не радовала, но других вариантов не было.

Девушка достала плед и подушку, которые держала в багажнике на всякий случай, выудила из сумки бутылку мятной газировки, пакет чипсов и стала устраиваться на ночь. Салон успел остыть, но в машине она вряд ли замерзнет до рассвета. Спать хотелось безумно. Тяжелый рабочий день, дорога, нервная встряска и часовой моцион вокруг мёртвой голубой «Хонды» отключили сознание практически сразу.

Она проснулась от непрерывного стука в окно. Вернувшись в реальность за пару секунд, Алиса зажмурилась сильнее. Страх и холод сделали своё дело – ноги заоченели, губы чуть подрагивали, но пальцы сжали плед, грозясь разорвать тонкую синтетическую основу. Стук не прекращался, но голоса не было слышно. Странно, почему стучат, а не пытаются разбудить криками? Её охватил такой ужас, что глаза открылись сами собой. Ещё в детстве она уяснила, что от ночных кошмаров есть правильное лекарство – посмотреть им в лицо и ничего не обнаружить. В черноте ночи ничего и не было видно кроме непрерывных ручьев воды на стеклах. Чтобы успокоиться, девушка хлебнула лимонада, машинально вглядываясь в темноту. Где-то далеко, сквозь непогоду, мелькал огонёк.

Выйти из машины всё равно бы пришлось, поэтому решение посмотреть на дрожащее в дождевых струях световое пятно реализовалось без раздумий. Как ни странно, на улице потеплело. Внезапный сентябрьский ливень закончился, отдавая ночи последнюю свежесть. Сойти с дороги не составило труда, но и не принесло удовольствия – ноги в тонких кожаных ботах погрузились по щиколотку в мокрую траву, шпильки застревали в грязи и спутанных корнях, колготки намокли и озноб начал своё путешествие по и без того замерзшему телу. Прибавив скорости, она двинулась в сторону огонька, удаляясь от своего единственного укрытия, забыв о том, что вернуться к машине без фонарика разряженного смартфона станет нереально.

Упорство, с которым она передвигала ногами, было вознаграждено: кочкообразная пустошь кончилась, её сменил лес. По лицу хлестко били упругие берёзовые ветки, уже почти лишенные листвы, их клейкий запах сложно не узнать в любое время года. Дождь здесь ощущался меньше, но предательский подлесок совершенно вымочил узкую шерстяную юбку, до этого хоть как-то согревавшую ледяные ноги. Через полчаса, прилично углубившись в лес, она наконец увидела источник света – это был дом, против ожиданий возникший не на поляне или опушке, а прямо среди деревьев, вырубленных по периметру узкого дворика. Предвкушение тепла и горячего чая манили до потери осторожности, поэтому она основательно забарабанила в дверь. Тяжелые шаги, скрип петель – и на пороге вырос силуэт мужчины, или, как ей показалось, ещё вполне крепкого старика.

– Здравствуй, ты откуда? Заходи, не стой на холоде, – человек посторонился, пропуская путешественницу в дом. В большущей комнате, освещенной настольной лампой, топилась печь, свистел чайник, огромное кресло притягивало уютom, а с красного громоздкого дивана любопытно таращился изрядно выпуклый котяра. Она замешкалась, осознавая всю нелепость ситуации.

– Вы простите, я... У меня машина сломалась. Свет, я шла на свет, – выпалив эту идиотскую речь на одном дыхании, она взглянула на хозяина дома. Тот улыбался мягко и ласково, словно старой знакомой.

– А машина где? На дороге осталась? Ничего, утром поглядим на неё. Не бойся, на том участке никогда никого не бывает. Там даже зайца не подстрелить. Заходи, попьём чаю и устрою тебя на ночлег, раз уж беда такая.

– Да что вы! Нет, я не спать, я погреться. Мне бы посушиться немного.

Тяжелая горячая рука легла ей на плечо.

– Заходи давай, не стой стоя, сейчас посмотрим чего-нить сухого вместо твоего передничка.

– Чего?

– А что на тебе надето ниже пояса? Да и обувь неудачная для лесных прогулок, – дед расмеялся звонко и раскатисто. Совсем сбитая с толку, она смотрела на мужчину во все глаза, – перед ней стоял совсем не старый человек лет 50-55, не больше. В голове не укладывалось, почему он показался ей дедом. Она смутилась.

– Простите.

– За что? – его глаза смеялись, а руки уже наливали что-то теплое и пахучее в большую кружку с банальной вычурной розой на боку.

– Иди в закуток за печью, разденься. Там мой халат валяется. Он чистый. Тебе большой, но в самый раз согреться. Вещички повесь там же на верёвку, к утру будут сухими. Это подобие сапог ставь к печке, не бойся, не скукожатся – печь пока не кочегарю докрасна, не зима, чай. Давай. Покушать, может? У меня с вечера суп с потрохами остался. Зайцев ешь?

– А? Зайцев? Не знаю. А их едят? —ничего более глупого она отродясь не говорила. Поперхнувшись фразой, Ли закашлялась и вышла из-за печи в большом махровом халате в сиреневую полоску. Хозяин суетился над металлической ёмкостью, похожей на котелок. Лёгкий, но уверенный парок содержимого раздражал аппетитом ноздри и желудок.

– Нравится аромат? Ещё бы картошечки, но за ней надо в посёлок ехать, – мужчина обернулся и одобрительно осмотрел гостью. – Молодец, что не постеснялась, здоровье важнее ваших молодежных понтов, ведь так вы это называете? – он опять улыбнулся.

Непонятно почему, но от этой улыбки хотелось броситься ему на шею, прижаться щекой к седой бороде и так, обнявшись, уснуть. И это не показалось ей странным, что удивляло еще больше. Всё в доме дышало миром и комфортом, располагая к доброму ужину, душевной беседе и тривиально глубокому сну.

– У меня сын год как уехал. Такой как ты примерно. Куда-то на заработки, наверное. Собственно, он и не жил со мной, с матерью жил с пяти лет, но часто здесь бывал. Вот тут прям и сидеть любил, вот на этом стуле, – мужчина внезапно потряс головой, – Тьфу, мерещится, словно это не ты, а он сидит. Один он у меня, – чуть слышно вздохнув, хозяин хижины начал раскладывать по тарелкам горячий ужин.

В звуки трапезы вклинивалось монотонное урчание кота, потрескивание дров и затихающее шмяканье капель об оконное стекло. Девушка вдруг осознала, что совершенно не беспокоится о машине, о матери, наверняка сходящей с ума, и многом другом, что можно объединить одним словосочетанием – реальная жизнь. Здесь всё казалось диковинным, словно в этой точке мира время течет по-иному. Дождь мокрее, кот толще, а суп или что это такое она ест – аппетитнее. Она молчала, чувствуя, как горячее тепло ароматных трав из кружки запирает сознание, накатывал сон, и в голове колоколом гудел чужой голос.

– Давай, ложись на диван. Я найду место, отдохай.

Через секунду Алиса крепко спала.

В ноздри бил странный запах – не аромат, не вонь – её окружал дистиллировано-про-спиртованный воздух. Так пахнет в операционных палатах, это было ей, к сожалению, знакомо по прошлой жизни. То, что это больница, сомнений не было. И как подтверждение, мозг взялся испускать мучительные сигналы. Ощущения шли по нарастающей и совсем скоро скрутили тело невыносимой болью. Хотелось свернуться в клубок, но по необъяснимым причинам руки и ноги не слушались. Полная неподвижность испугала, но не отключила способность принимать решения. В полумраке помещения, особенно той его части, которая хорошо освещалась со стороны приоткрытой в коридор двери, она рассмотрела несколько шкафов, кушетку и пару стульев. Людей не было. Их заменяли медицинские приборы, чьи щупальца опутали её с головы до ног. Увидеть себя не удалось – в поле зрения попадал только кончик носа и простыня, служащая покрывалом, а приподняться не было возможности. Становилось немного страшно – казалось, ещё мгновение назад она уютно свернулась на старом диване в лесной хижине, сытая и здоровая, и вот...

Тишину вспенили лёгкие шаги, пучок света, ворвавшегося извне, разметался по сторонам, и в помещение вошла женщина в белом халате. Понажимав кнопки, о чем оповестили сигналы оборудования, она склонилась над телом и вздохнула.

– Уже почти утро, я скоро сменюсь. У мелкого сегодня соревнования. Помнишь я рассказывала? Подробности потом, – она замолчала на мгновение, – А у тебя всё в норме, дружок, приходи в себя, – голос был молодым, тёплым и необыкновенно приятным, в нем угадывалась улыбка.

Женщина поправила подушку и так же внезапно вышла, оставив хаос в голове и чуть приоткрытую дверь в остальной мир. К нестерпимой боли теперь присоединился ужас непонимания. Ли застонала и ещё раз попыталась пошевелиться. Усилия ни к чему не привели, более того, девушка поняла, что не слышит своего голоса, зато писк аппаратуры усилился, изменяя тональность. Через несколько минут тишину больницы снова нарушили быстрые шаги и голоса нескольких человек. В палате вспыхнул яркий свет.

– Посмотрим, что у нас тут. Хм... Инна Васильевна, дайте стимуляцию ноль девять. Хорошо, теперь усиление.

Мужской голос продолжал раздавать указания, но Ли уже не слушала. Она видела только вспышки света и чувствовала слабые движения собственных пальцев рук.

– Станислав Сергеевич, наблюдается подобие тонической судороги! Взгляните на пальцы правой руки.

– Зрочки? – голос, принадлежащий неведомому Станиславу Сергеевичу, приблизился, и Алиса увидела бородатое лицо мужчины средних лет. Взгляд не выражал ничего, кроме врачебного интереса.

– Фиксируем изменение размера! Стас, он, похоже, приходит в себя, он видит! – женщина явно обрадовалась, и суета вокруг кровати поднялась еще на несколько баллов. По коридору застучали каблуки и новый голос влился в поток обсуждения состояния того, кто лежал под реанимационными трубками.

– Станислав, вас можно поздравить? Мне позвонили с поста, – начальственный тон дамы не оставлял сомнения в ее высокой должности.

– Валентина Петровна, наблюдаем изменения состояния пациента. Есть определённые сдвиги, но бить в барабаны рановато. Будем наблюдать.

– А где Мария? У неё особая связь с этим парнем. Может ей побеседовать с ним? – вопрос выглядел таковым только номинально, чувствовалось, что каждое слово женщины здесь закон.

– Мария на пересменке, её сынишка сегодня выступает на городской спартакиаде.

– Ничего, он уже взрослый. Сколько ему?

– Девять, – мужской голос дрогнул, – Давайте сегодня я останусь, отпустим Машу, Валентина Петровна, под мою ответственность.

– Хорошо, под вашу ответственность, – по мере того, как стакато шагов затихало в обратной последовательности, атмосфера в палате разряжалась как после грозы.

– Не понимаю я эту женщину. Инна, не позвоните моей супруге? Если это сделаю я, то криков не миновать. Скажите, что я на операции, уснул, умер, – в его тоне появилось ощущение маяты и какой-то мальчишеской упрямой дерзости.

– Конечно, Стас, – Ли почувствовала волну нежности и понимания в словах Инны Васильевны, явно равнодушной к доктору, – В холодильнике ещё осталась колбаса, принести?

– Давай, и пришли сюда сестру. Мне надо хотя бы умыться.

Тишина и полное непонимание происходящего вновь накрыли девушку. Дверь скрипнула, и над кроватью склонилось улыбающееся лицо хорошенькой сестрички.

– Ну здравствуй, Сан Саныч, говорят ты решил-таки пожить ещё? – это окончательно сбilo её с толку, и картинка пропала.

Проснулась Алиса от непрерывного мяуканья, звона тарелок и запаха хорошего кофе. То, что он был хорошим, сомнений не было, кофеман умрёт вместе с ней. Захотелось потянуться во весь рост, что было исполнено тут же и без препятствий. Зато она почувствовала резкую боль в горле и жар.

– Доброго утра, путешественница, как самочувствие?

– Не сказать, чтобы хорошо, кажется я простыла вчера, добираясь до вашей избушки.

– Да, вид у тебя – так себе. Я тут кофе сварил, а надо было траву закипятить. Ничего, сейчас сообразим. Я сам заготавливаю, аптекам доверия нет. Не заметишь, как поправишься, – мужчина достал из шкафа большой деревянный ящик и начал перебирать пузатые вкусно пахнущие мешочки, – Вот то, что нам надо. Хочешь умыться? Горячая вода на печке, ковш висит рядом. Там, где ты вчера переодевалась, стоит цинковая ванна. К вечеру затоплю баню или... да, баню лучше. Попаришься и завтра будешь как новенькая.

– Что вы, я не могу. Меня будут искать, я должна ехать, – девушка подскочила с дивана и нащупала шлёпанцы.

– Не глупи, ты вся горяишь, отсюда вижу. Машину твою волки не съели, я её уже завел и отогнал с дороги. Прости, что взял ключи пока ты спала. Уже почти одиннадцать утра, я рано встаю —привычка. Если нужно позвонить, то бери мой телефон. Соври любимому, что заночевала у подруги.

– Я не могу, простите. Покажите, где машина. Кстати, что с ней было?

– Ничего, она просто захотела отдохнуть. Я же говорил, там место странное, – он беспомощно развёл руками, – Одежда высохла. Ты хоть кофе попей.

– Конечно, спасибо, – она поспешно натянула тёплые вещи и вышла к столу. Её пошатывало, ноги напоминали резиновые шланги, норовя заплестись или сложиться кольцами, в глазах троилось, а голова упорно старалась расколоться в районе затылка. К пущей радости потекло из носа.

– Вид у тебя неважный. Ну да я уговаривать не стану, ещё подумаешь чего. Садись, – он подвинул кружку и тарелку с медом, – Надо бы чай, но раз такое дело...

– Вы простите меня, я правда должна ехать, – виноватая улыбка, глоток – и кофе раскалённой лавой обжёг воспаленное горло. Невольный стон заставил поперхнуться и закашляться. Мужчина рванул к шкафу и мгновенно сунул в руки платок. Вытерев остатки кофе, Ли виновато оглядела стол и встала.

– Наверное мне стоит пойти прямо сейчас, пока я ещё что-то не испортила.

Ботильоны не желали застегиваться, куртка вступила в преступный сговор с обувью и заклинила замок куском ткани. Девушка чертыхнулась и рванула молнию из последних сил.

– Можно? – хозяин дома осторожно освободил застёжку и протянул руку, – Давай помогу дойти. На таких каблуках по лесу идти сложно даже здоровому человеку.

Машина обнаружилась совсем недалеко – рядом с домом вытянулась искусственная просека, которую путешественница не увидела дождливой ночью. Дорога соединялась с основной за небольшим пригорком, именно он и скрывал рукотворную трассу от случайных глаз. Всё устроено так, чтобы хозяина избушки не беспокоили, но в то же время цивилизация не была ему чужда. Наверняка где-то стоит его собственный автомобиль. Мысли неслись роем и не давали задуматься о главном – как она поведёт машину в таком состоянии?

– Позволь я отвезу тебя? – участливые глаза смотрели с беспокойством. Ли замерла на мгновение, но решительно села за руль. Оркестр боли в её голове разминался низкими октавами, а под тихий гул включенного мотора партия барабанов и ещё каких-то неведомых ударных инструментов вдруг дико взвыла и отключила резкость.

– Как тебя зовут? – снова диван, всё та же кружка с цветком. Ноги укутаны ватным одеялом, на лбу компресс, горло перевязано колючим мужским шарфом, а на коленях чужой телефон, – Ты звони, не стесняйся.

– Друзья зовут Ли. А вас?

– Меня все зовут дедом. Зови и ты. Имя не имеет значения, – странная, то ли печальная, то ли задумчивая улыбка тронула глаза, – Хорошее у тебя имя, сказочное. Ли – это сокращенно?

– Да, простите. Алиса. Бабушка называла Лиса.

– Называла?

– Она умерла в прошлом году. Я поздний ребенок.

– Мне скоро полтинник. Сколько тебе не спрашиваю. Ты пей настой, я дело говорю, эта травка ставит на ноги быстрее таблеток, поверь.

– Мне 34. Спасибо, – набирая номер, она рассматривала необычный телефон. – Мама, это я. Да нет, не всё в порядке. Мой телефон разрядился, прости. Сюда не звони, я попросила чужого человека набрать тебя. Не видишь номер? Тем более. Да, немного простыла. Нет, я далеко. Не могла раньше. Живая, что со мной сделается. Мама, пожалуйста, звякни на работу, скажи, что я попала в аварию, не вдавайся в подробности, объясни, что тебе тоже сообщили чужие люди. Да ладно, мам, уволят и чёрт с ними. Мне сейчас правда всё равно. Простыла, да, говорю же тебе. Спасибо, мамуля. Люблю, – она отложила спутниковый аппарат в сторону, – Вы не прогоните меня?

– Дурочка, – он улыбнулся, – Ляг поспи, а я сварю чего-нибудь полезительного, – последнее словечко рассмешило и окончательно разрядило атмосферу до домашней, – И не выкай мне, хорошо?

– Хорошо, Дед, не буду, – Ли убрала компресс, завернулась в одеяло с головой и мгновенно отключилась.

– Ну вот, наконец-то. Так нельзя, парень, нам за тебя по шапке настучат. Если уж начал пробуждаться, то оживай по тихой грусти, – она узнала голос Станислава Сергеевича и поняла, что каким-то образом оказалась в своём ночном сновидении.

На этот раз страха не было, скорее – любопытство. До зуда хотелось посмотреть на самой себя. Девушка напряглась и усиленно пожелала увидеть тело со стороны. Но законы сна тут категорически не работали. Здесь вообще всё было иначе: время ползло еле-еле, будто в реальной жизни, а действие разворачивалось последовательно и понятно. На этот раз она не испугалась неподвижности и больничного запаха. Обращение к ней в мужском роде тоже перестало беспокоить. Правда, напрягало ощущение всамделишности происходящего, но разве только чуть-чуть.

– Мариночка, позовите санитарку. Пускай сделает всё необходимое, а вы замените капельницы. Если будут малейшие изменения – зовите немедленно. Я вздремну с полчаса – час. Иначе лягу рядом с этим вашим принцем.

– Ну Станислав Сергеевич! – в голосе девушки звучало явное смущение.

– Марина Леонидовна, весь женский персонал трёх оперблоков и реанимационного отделения ходит на экскурсию к этой спящей красавице и днём, и ночью. Это уже даже несмешно, – несмотря на последнюю фразу, врач явно веселился.

– Ну пожалуйста! – Марина наверняка покраснела, в этом не было сомнения.

Тяжко отдуваться за весь коллектив, Алиса знала по себе. Её начальник с завидным постоянством находил козла отпущения и отчитывал бедолагу за реальные, а чаще мнимые проступки. Слушая, как медсестра пытается противостоять врачу, вспомнилась недавняя стычка. Смешная попытка выгородить половину фирмы из-за пятничного слишком раннего ухода домой закончилась с разгромным счетом в пользу директора. Почему-то именно ей чаще других доставалась вакансия адвоката персонала ООО «ГенеТоп». Девушка мысленно злорадствовала – название кампании смешило с первого дня работы. Имя начальника – Геннадий Топорков – с её лёгкой руки и острого язычка преобразовалось в «Генерала Топтыгина» и разлетелось по фирме. И пусть большое тщеславие хозяина небольшой геодезической компании рассчитывало на возвышенный смысл названия, иронический крестик на нём уже поставили.

За собственными воспоминаниями она не заметила, как на сцене произошла смена действующих лиц – врач ушёл, а в палате появилась санитарка. Прикосновения мягкой губки вызвало массу приятных ощущений во всем теле, такие удивительные приятные эмоции. Тёплая вода окутывала и пробуждала воспоминания чего-то восхитительного. Наверняка так чувствует себя младенец, погруженный в купель. Девушка не знала, действительно ли она закрыла глаза от удовольствия или они уже были закрыты, но тут санитарка прекратила движения и вскрикнула:

– Марин, нет, ну ты смотри на него! Черт подери, я его больше не стану мыть! Зови давай врача.

– Что-то случилось? —обеспокоенное лицо хозяина дома нависло над ней.

– Всё хорошо, Дед. Мне снилось что-то очень приятное, но я не запомнила что.

– Фух, ну ладно, спи дальше. Или нет, просыпайся, я сварил куриный суп. Милашка и при жизни была покладистой птицей, а бульон из неё – вообще высший класс.

– У вас есть куры?

– Есть, держу с десяток. Люблю свежие яйца, а в моём положении это роскошь.

– Я хотела спросить, вы в город за продуктами...

– Есть ли у меня машина? Само собой. Отгородиться от цивилизации в наши дни можно, но зачем? Есть вещи, от которых я отказаться не смог – например, виски. Как ни ставь самогон, всё одно – DD не сварганишь, – мужчина усмехнулся.

Сейчас Ли по-настоящему почувствовала, что перед ней отнюдь не старик. Смешинки в уголках глаз гармонично сочетались с улыбкой на красивом, ещё достаточно молодом лице. «Дед» переоделся в свободную толстовку и джинсы. Когда-то тёмно-русые, а теперь седые волосы были собраны в небольшой байкерский хвост и в сочетании с аккуратной бородой может и добавляли возраста, зато придавали всему облику совсем не деревенскую элегантность.

– Удивительно.

– Что такое?

– Ты словно сошёл с рекламного постера. Немного не хватает антуража, но, подозреваю, что и он найдётся через некоторое время, – девушка смутилась и начала подниматься.

– Пойдём есть, фантазёрка, любой антураж у нас в голове. Если захочешь добавить деталей, мне даже не потребуется прилагать усилий, – он засмеялся и протянул руку.

– Философ?

– В такой глуши без этого никуда.

Ели молча. Он часто поглядывал на гостью, но та старалась не встречаться взглядом со своим спасителем. Голова болела меньше, но слабость не прошла. После супа на столе появилась кружка ароматной травы и тарелка с простым печеньем.

– «Земляничное», я люблю его с детства, – за время обеда они впервые прямо посмотрели друг на друга.

– Сын тоже любит, поэтому всегда держу пачку, на всякий случай.

– Как давно вы не виделись?

– Год. Поссорились. Собственно, мы и раньше ругались, но ненадолго. В тот вечер он приехал с просьбой. Я не захотел её выполнить, он уехал. Ничего особенного, – мужчина смотрел в окно. Его зрачки беспрестанно бегали, словно пытались зафиксировать воспоминания тех дней.

– Целый год молчания, ничего себе... Ты скучаешь? Сколько твоему сыну?

– Он – взрослый балбес, – грубо отрезал Дед, но через пару секунд продолжил, – Таких отпрысков называют – «ошибка молодости». На первом курсе училища познакомился с его мамой. Она была настоящей королевой. Волосы гривой, ноги – мечта курсанта, а глаза! – он рассмеялся, явно вспомнив что-то из далёкого прошлого, – Знаешь, такие глаза называют омутами, увидел – и нет тебя. У сына такие же. Не принесли они счастья ни ей, ни ему. Да и мне тоже, – он резко встал и вышел на улицу.

Алиса раскрошила печенину, допила настой и не зная, чем ещё заняться, принялась разглядывать комнату. Самым примечательным здесь были стены. Круглые бревна, из которых сложили дом, потемнели то ли от времени, то ли от специального декоративного покрытия. В любом случае, выглядело это шикарно. Их поверхность была увешана многочисленными фотографиями, ножами и ещё бог знает какими немислимыми мужскими вещицами – они стояли на полочках, приколочены, прикручены прямо к стене и даже свисали с потолка. Теперь жилище предстало перед ней не избушкой, а подобием охотничьего зимовья, переоборудованного под временное пристанище. Девушка встала и осторожно двинулась к выходу. В приоткрытую дверь легко пахло табачным дымом, но хозяина на крыльце не оказалось. Жара уже не донимала, как раз наоборот, стало зябко от свежего осеннего ветерка, а может и от простуды. Поёжившись и плотнее запахнувшись в хозяйский махровый халат, предусмотрительно при-

хваченный с дивана, Алиса приступила к обходу дома. Пропажа обнаружилась совсем скоро – на заднем дворе находилось ещё одно добротное двухэтажное строение. Этот сруб выглядел моложе собрата. На крыше топорщилась небольшая круглая антенна и то ли печная труба, то ли ещё какое-то устройство. Из-за приоткрытой металлической двери тихо ворчал мотор и слабо тянуло бензиновым запахом.

– Можно?

– Конечно, но ты зря вышла на улицу. Я бы скоро вернулся.

Увиденная картинка стала тем самым недостающим антуражем для внешности мужчины – засучив рукава, он копался в двигателе мощного внедорожника.

– Я подумал, что надо бы смотаться в город за вискарём. Как ты? Дождёшься? Не ускользнешь на своей крошке пока меня не будет?

– А можно с тобой? Я только халат отнесу.

– Не нужно, побудь здесь. Я быстро. Бояться нечего, с тобой останется Скиф.

Громкий свист, и через пару минут из леса нарисовался мохнатый монстр неизвестной породы.

– Он защитит тебя, хотя это совершенно излишне. Познакомься, мальчик, это Алиса, ты будешь её стеречь.

Пёс обнюхал ноги девушки и спокойно направился к дому. Ли не пошевелилась. Дружба с большими собаками закончилась для неё в глубоком детстве, когда соседский ротвейлер попытался откусить ей пятку. Нога не слишком пострадала, но фобия осталась навсегда.

– Я боюсь собак, – голос дрожал, и Дед удивленно уставился на неё, – я очень боюсь больших собак...

– Это не собака, это друг. Но он в дом не зайдет. А я буду через пару часов. Поспи пока. Вечером устроим пир. Скиф порвёт любого, но здесь никогда никто не ходит, поверь. Пойдем, я провожу, – мужчина усмехнулся и подхватил её руку.

– Есть одно условие.

– М?

– Ты перестанешь надо мной смеяться.

И снова знакомый диван, горячая кружка, которую хозяин наполнил перед уходом. Слабость усилилась после выпитого травяного отвара, но это не напрягало – наоборот, она никогда не чувствовала себя такой спокойной. Страшный зверь на пороге избы действительно прибавил ощущения защищенности, и Ли пыталась уснуть, разглядывая ближайший фотоколлаж. Центром служило изображение двора. На фоне едва распустившихся деревьев (вероятно, была ранняя весна) стоял ребёнок с огромными тёмными глазами. Черные волосы в беспорядке – растрепал ветер, а может быть его отвлекли от игры. Мальчик пяти-семи лет держал в руках игрушечный пистолет и смотрел будто сквозь дуло. Этот взгляд привораживал. Омут. Да, от таких глаз бежали мурашки по спине даже перед старым снимком. В жизни с таким мужчиной лучше не встречаться, в этом она убедилась на собственном опыте. Алиса дёрнула плечами, отгоняя неприятные воспоминания. В остальном внешность этого маленького дьяволёнка оставалась малопримечательной. Мальчик как мальчик. Она прикрыла глаза, пытаясь избавиться от нахлынувших мыслей, и тут же уснула.

Машина шла тихо. Подвеска справлялась с каждой ямкой по высшему разряду. Старый «Раптор» оставался неубиваемым спутником во всех вылазках на просторы цивилизации. Брутальный вид «Форда» соответствовал не менее серьёзной начинке. После одного случая посту-

пило предложение сменить автомобиль, но это не подлежало обсуждению. Заменить внедорожник такого класса можно только на подобный, а их сейчас не производят.

В салоне пахло кожей, бензином, пылью и деревом – любимый запах на все времена. Древняя магнитола шептала на единичке что-то тяжелое и шумное. Он прислушался к двигателю и остался доволен – американцы умели делать автомобили, недаром их так уважали шейхи всех сортов и размеров кошелька. Пейзаж за окном не изменялся уже минут тридцать. Удивительно – сколько лет он водил машину по этой дороге, но всегда кажется, что она имеет разную длину. Разумеется, беспокоиться бессмысленно – спидометр показывал, что всё нормально. Однажды попытка измерить длину трассы скоростью закончилась плачевно – машина остановилась посередине и отказалась ехать дальше. Всё как у этой девчонки. Мужчина невольно нажал на газ. Появление женщины показалось нереальным в этом лесу, да ещё ночью. Мокрые волосы облепили красивое и такое юное лицо, а сырые колготки только подчеркнули красивые ножки. Но особенно поразил взгляд – беспомощный, но в то же время требовательный и упрямый. Впервые за долгое время хозяин этой части леса вспомнил, что он мужчина. Когда утром девчонку свалила тяжелая простуда, его глупой радости не было предела. Дед понимал, что она ему в дочку годится, хотя сообщение о возрасте несколько успокоило – не настолько девица юна, как привиделось при свете фонарика. Понимал, но ничего не мог с собой поделать. Это удивило, испугало и заставило уехать проветриться. Виски – лишь предлог. В баре «гаража», как он всегда при редких гостях называл основной дом, находился полный набор напитков. Дед пил мало и редко, поэтому запасы пополнять не было смысла. Ещё одна вещь заставляла задуматься – поведение пса. Тот словно встретил старую знакомую. Такое случилось впервые за двенадцать лет их крепкой дружбы. Улыбка вновь защекотала уголки сжатых губ, возвращаясь мыслями к вечеру, когда с дороги послышался жалобный лай и грустное завывание щенка, он всегда смягчался. Неизвестно как пёс попал на трассу, возможно его выкинули или малыш сам заплутал. Собаку притащил Иван. Мокрый комочек шерсти дрожал и жался к человеческим рукам. Иван часто интересовался, почему именно Скиф. Объяснения отсутствовали – имя прилепилось само, будто всплыло из глубин сознания. Они подружились с первого взгляда.

А потом Иван погиб... Тогда они вдвоём со Скифом ушли на охоту и бродили по лесу почти неделю. Каждый стерег свою дичь: человек расстреливал чувства и эмоции, ища успокоения, пёс таскал то зайца, то глупую перепелку, этим оба и ужинали. Спали в обнимку. Пролитав солидное количество кинологических страниц, он пришел к выводу, что собака беспородная – гремучая смесь кавказца или сторожевой с чем-то воистину великим, например, с мастифом. Густая шерсть, крупные длинные лапы, огромная голова, мощная челюсть и гигантский для собачьего племени рост. С таким монстром спать можно было и на снегу, не то что на прохладной сентябрьской листве. Вдруг мелькнула мысль – прошёл год со дня пропажи сына, смерти друга и той терапевтической охотничьей вылазки собаки и человека. Девушка появилась в тот самый день, вернее, в тот же вечер, и даже в то же самое время, но через год! Странно, что он не вспоминал об этом почти сутки...

Лесная грунтовка вдруг закончилась, и Форд выехал на добротную асфальтированную дорогу. Продолжая движение по инерции, водитель не задумывался о направлении. Где-то впереди будет сначала крупный пгт, а ещё через десяток километров – город. Между ними недавно построили громадный супермаркет, вероятно, чтобы никому не было обидно. Прибавив газу, он направился именно туда.

Она бежала, дрожа то ли от страха, то ли от холода. Уверенность, что за ней гонятся, придавала сил, она не останавливалась ни на мгновение. Под ногами мелькали болотные кочки, сухой подлесок, хвойная подушка – всё менялось быстро, словно кинокадры, и никак не закан-

чивалось. Бег не приносил ни усталости, ни смысла. Осознав это, девушка остановилась и огляделась, прислушиваясь к погоне. Вокруг ни души. Обычные звуки леса, стрекот сверчков, кваканье болотных царевен, но человеческого присутствия не было и в помине. Опустившись на колени, она приложила ухо к земле – тихо. Но остро чувствовалось – необходимо спешить. Неожиданно деревья впереди расступились и показалось ровное дорожное покрытие. Нахлынувшая было радость сменилась недоумением – именно отсюда она и начала свой марафон. Да, беглянка хорошо запомнила трассу. Снова замерев и убедившись в своём полном одиночестве, девушка чуть задержалась на дороге. Она зачем-то присела ненадолго, словно кого-то ожидая, но потом всё-таки перешла дорожное полотно и направилась знакомой тропинкой, протоптанной ею вчера ночью, к дому лесного деда. Ночь навалилась и обступила со всех сторон, поэтому пришлось прибавить шагу, а потом опять перейти на бег. В окнах избышки горит свет – это не удивительно, вероятно её потеряли. Ли гортанно хохотнула и, уверенным движением распахнув дверь, замерла: в комнате находилось двое мужчин, обернувшихся к ней одновременно.

– Шурка? Ты как здесь оказался? – Дед вскочил на ноги, кинулся к ней и по-мужски крепко обнял. В этих объятиях не было ничего кроме радости и тепла, – Заходи! Есть будешь? Мы немного выпили.

Второй человек поднялся, но ладони для приветствия не протянул, вместо этого сграбастал её в свои ручищи и начал хлопать по спине.

– Ишь ты как вырос-то! Здоров телёнок. Уже выше отца! Рад, очень рад тебе. Дядя Иван и не ожидал уже с тобой встретиться. Я всё по заграницам, сам понимаешь. Саня, малыш, дай я на тебя посмотрю. Красавец, да, весь в отца и мать. Слышь, Сань, он весь в тебя. А глаза то, глаза! Бабы вешаются? Сколько я тебя не видел? Давно, давно, – он смеялся как паровозный гудок, что-то еще говорил, но Алиса слышала только пару фраз. Они заполняли мозг, корчились ненавистью, топили сознание, били наотмашь: «Шурка? Слышь, Сань, он весь в тебя. Слышь, Сань... Слышь, Сань...»

–Подъём в танковых войсках! – задорный рык хозяина дома вошел в сон спасительной паузой. Ли открыла глаза, села и пристально посмотрела на мужчину.

–Саша, – неожиданно громкий голос девушки заставил мужчину затормозить. Дед посмотрел чуть более пристально, чем полагалось, но лишь пару секунд. Улыбка разрядила тишину,

– Верно. А ты – маленький Шерлок?

– Не могу объяснить, не спрашивай.

– Смешная девчонка. Проявляешь чудеса сообразительности, потом говоришь, чтобы я оставил любопытство, – он подмигнул и водрузил на обеденный стол большую сумку, из которой стал извлекать разнообразные пакеты, банки и бутылки, среди которых девушка узнала черно-коричневый бок «Джека Дениэлса».

– Ты куда столько всего набрал?

–Будем отмечать сразу несколько дат. Об остальных расскажу после трёх стаканов, а первая известна – твоё волшебное появление.

– Чем же оно волшебное?

– У меня редко бывают гости.

– Догадалась. Последними были Иван и Шурка?

– Ишь ты... Откуда? – голос мужчины стал металлическим с небольшой простудной хрипотцой. Теперь он не отводил глаз с минуту, пытаясь что-то разглядеть в её лице, – Кто ты, малыш?

– Я уже не знаю.

– Нам стоит поговорить сразу или выпьем для рывка?

– Боюсь, мне нечего рассказать, но выпить стоит, это правда.

Мужчина подошёл к ней вплотную и взял за плечи. Ли вдруг почувствовала страх и слабость одновременно. Страх, потому что ощущение опасной силы, исходящей от него, смешивалось с чем-то совершенно непонятным. Воздух задрожал от напряжения. Хозяин дома продолжал смотреть молча и настороженно.

– Я сейчас отпущу тебя, и ты сядешь. Потом налью выпить, и мы продолжим. Никаких резких движений, хорошо? – его голос стал мягким и убаюкивающим. Алиса плюхнулась на диван, совершенно сбита с толку.

– Ок. Только разбавь соком. Я вижу тетрапак во всей этой куче снеди. Один к одному.

– Не только налью, а даже и поесть дам. Не люблю голодных гостей – они становятся оракулами, —он быстрым движением извлек из кармана нож и вскрыл упаковочную пленку на горлышке, – Предлагаю ничего не готовить. У меня тут мешок закусок. Сейчас накидаю, сможешь выбрать. А пока расскажи, откуда ты так много знаешь.

Он извлекал посуду, разрезал, вскрывал, насыпал и разливал, постоянно поглядывая в сторону дивана. Неторопливые лаконичные движения, словно рассчитанные по миллиметру, заставляли любоваться и удивляться.

Виски на палец скрывал дно бутылки, тарелки практически опустели, ночь оглушала ленью и таинственностью. В голове у Алисы гудело, но это не доставляло неприятных ощущений, скорее наоборот – сглаживало впечатление от разговора. Они сидели на крыльце и молча курили. Она бросила эту контрпродуктивную привычку пару лет назад, но сегодня особенный вечер и можно позволить себе излишества – бывших курильщиков, как известно, не бывает. Хрустнула ветка и на свет из кустов выбрался Скиф, распространяя резкий запах и шумное дыхание крупного зверя. Одновременно смолкли лягушки и цикады, остался шелест листьев и чуть слышный свист смелой лесной птички. Девушка инстинктивно дернулась в сторону хозяина собаки, ища защиты.

– Не бойся, он не тронет. Я ещё не до конца разобрался во всей белиберде, что ты наговорила, но зверюга явно что-то чувствует, раз готова защищать тебя словно хозяйку. Скиф, иди спать, не маячь, – пёс, не взглянув в их сторону, ушёл за дом по направлению к гаражу.

– Налей ещё. Пить так пить.

– Сейчас принесу добавки, тут и на стакан не осталось. Продолжим здесь или зайдём внутрь?

– А есть? Здесь. Тут поэтичнее.

– Обижает. Не думала же ты, что я ограничился пузырьком, – он усмехнулся и взглянул с уважением, – А ты крепкая. Другая уже бы канючила баиньки. Ладно, поэзия так поэзия.

– Наверное твои травки способствуют, – женщина улыбнулась.

– У меня и от похмелья лекарство найдётся.

– Опять настой?

– Ага, рассол, – он рассмеялся и исчез за дверью.

– Захвати те грибы, что я смела первыми, и ещё мясо! – этот крик показался настолько чужеродным в ночном лесу, что Ли, вдруг ощутив себя неуместной до последней пуговицы, вздрогнула и вскочила.

– Ты чего? Куда собралась на ночь глядя? – усмешка приклеилась к нему.

– Кажется я должна уехать отсюда как можно быстрее.

– С чего такие выводы? Твой диван по-прежнему только твой, а утро всё так же мудренее вечера.

– Я боюсь спать.

– Ты должна понять, где мой сын. Узнай это, малыш. Я могу обзвонить все больницы, но каков радиус звонков?

– Ты уверен, что это правда? Что всё, что я вижу во сне, происходит в действительности в реальном времени?

– Почти уверен.

– Налей, мне нужно выпить.

– Поешь, – Дед пододвинул к её ногам блюдо с копченым мясом и маринованными грибами.

– Тебе не бывает одиноко?

– Иногда. Но я привык.

– Зачем это всё?

– Сложно объяснить.

– Скрытный. С тобой пить неинтересно – не пьянеешь.

– Почему же. Просто ты не замечаешь. На самом деле я достаточно навеселе, – он подмигнул и, рассмеявшись, протянул стакан, – Давай, выпьем за встречу и за «потом».

– Когда это?

– Не знаю. Время покажет. Выпьешь за «потом»?

– Станный тост, но куда деваться.

Он выпил залпом, а гостья тянула свой виски не спеша, задумчиво вглядываясь в густоту деревьев. Вдруг возобновился лягушачий концерт, словно кто-то внезапно и резко включил звук. В воздухе потянуло прелыми листьями, землёй и ещё бог знает чем. Она втянула ноздрями аромат осени.

– Здесь всё как в сказке. Даже ты.

– И ты.

– Только не Кэрролл! – она глупо прыснула и попыталась изобразить внимание, но картинка расплывалась – вероятно, алкоголь предпринял очередную атаку на её дамскую слабость.

– Я обещал, что мы выпьем за несколько дат, помнишь? – девушка сонно кивнула и снова глупо улыбнулась, даже не заметив, что он перевёл разговор в другое русло.

– Одна из них – исчезновение твоего сына, а ещё одна?

– Сегодня его день рождения. Он был у меня накануне. Я предлагал остаться на пару дней, чтобы отпраздновать вместе. Звал на охоту, хотел устроить небольшую чисто мужскую пирушку.

– Мне нужно уснуть и поздравить его, вернее себя, с именинами, — Алиса пьяно рассмеялась.

– Ты хочешь спать?

– Я действительно перебрала.

– Отнести тебя в дом?

– Даже не думай! Я ещё способна передвигаться самостоятельно и постоять за себя, между прочим! Давай выпьем за здоровье Сан Саныча. Наливай, я скажу тост! – это было последнее, что она запомнила – дальше сознание заволокло туманом и всё выключилось.

Четверка образов упорно заигрывала с разумом, отскакивая с размеренным «бум-бум» от стенок черепа и падая куда-то на дно желудка. Оттуда боль взмывала вверх, смешиваясь с обрывками осознанных, но забытых начисто сновидений, и тормозила в районе горла.

Алиса разлепила веки и попыталась встать, понимание, что ещё пара минут и будет «поздно пить боржоми», настойчиво подталкивало к действиям.

Ноги автоматически пытались нащупать домашние шлёпанцы, а мозг издевательски подначивал: «Ну давай, ещё рывок, у тебя получится!» Наконец она сообразила, что не дома, и окончательно проснулась. От того, что предстало перед глазами, не только слетел последний сон, но и тошнота трусливо убралась восвояси.

Девушка сидела в совершенно незнакомой комнате на огромной кровати напротив панорамного окна, прикрытого тяжелыми портьерами, на полу — небольшой коврик, вот, собственно, и вся обстановка. Догадавшись, что находится в том самом рубленом доме с гаражом, она дошла до двери и прислушалась – где-то внизу раздавался шум двигателя, слабо пахло бензином. Очевидно, хозяин с утра пораньше занялся своим железным конём. Ли оглядела себя и с удовлетворением отметила, что полностью одета – значит, принимающая сторона имеет понятие о джентльменстве. Вот это хорошо.

– Привет, Лисёнок, я тебя разбудил? – его вопрос поставил точку на размышлениях.

– Нет, я сама, а ты давно встал?

– Часа два как. Уже почти полдень, не стал тебя трогать. И, кстати, прости за небольшую передислокацию. В основном домике места для двоих маловато, а мне тоже хотелось выспаться, – мужчина улыбался, вытирая грязные руки куском ярко-алой ткани. Из-за этого цвета, запаха топлива или, может, бесконечного спуска со второго этажа снова нахлынула тошнота – Алиса покачнулась и сморщилась.

– Тише-тише, я сейчас, – он швырнул тряпку в угол, к грязной робе, в которой, вероятно, всё утро лежал под машиной, и протянул к ней руки, – Держись за меня, пойдём на воздух.

Они вышли во двор, и Ли жадно глотнула влажный осенний ветер. Накрапывал дождь, и наверняка уже давно – земля вкусно и неприлично чавкала.

– Мне невероятно плохо. Всё-таки я перебрала малость.

– Сейчас мы это поправим. Давай-ка я тебя отнесу к столу, сама ты, похоже, ещё не в состоянии передвигаться.

– Если честно, я даже сопротивляться не буду, к тому же ночью ты это уже провернул, и вполне успешно, – взаимная улыбка стёрла последние границы стеснения.

После доброй порции рассола и стопки состояние «больной» улучшилось. Она вздремнула часок, потом умылась и согласилась поесть. Немного оклемавшись, подошла к зеркалу. Глядя на свой потрёпанный вид, вздохнула.

– Мне определено пора домой, что бы ты ни говорил. Не спорь, – Ли безуспешно пыталась разгладить складки на юбке, уставшей за эти дни не меньше своей хозяйки, – Сань, мне элементарно нужно переодеться, нормально помыться и, в конце концов, сходить на работу. Меня просто уволят.

Мужчина смотрел на неё со странным выражением, не говоря ни слова. В его глазах мелькал то ли вопрос, то ли утверждение, но разобраться в эмоциях этого человека было выше её сил, особенно сейчас.

– Хорошо, я тебя отвезу.

– Не стоит, в любом случае мне нужна моя «Хонда». Я уже забыла, что такое метро, а столица – не лучший город для передвижения пешком. Доеду, не переживай.

– Это не обсуждается. Твою «Хонду» поведу я сам, – мужчина резко вышел, а еще минут через пятнадцать она услышала знакомое урчание авто.

– Мам, давай не начинай, а? Эта контора у меня вот где уже сидит, и давно. Я даже счастлива такому исходу, – Алиса намыливала голову, одновременно пытаясь успокоить мать, – К тому же меня ещё никто не уволил, просто предупредили, причем по телефону. Премии лишил, поганец.

Горячая вода ласкала каждый волосок, истосковавшийся по чистоте. Намыливаться в третий раз было бы уже слишком, и она начала вытираться. Ли чувствовала себя по-домашнему уютно, прислушиваясь к бесконечному материнскому ворчанию, звону посуды на их маленькой хрущевской кухне и крикам ребятни за окном – этот живой гомон она особенно любила. Чтобы брат с семьей перестал скитаться по съёмным хатам, им пришлось разменять четырёх-

комнатные хоромы в Мневниках, Алиса никак не могла привыкнуть к тесноте и картонным стенам хрущёбы, и только школьный двор, на который выходило окно кухни, вот уже третий год мирил её с действительностью. Самое чудесное время начиналось ранней осенью и поздней весной, когда малыши выбегали на улицу во время переменок.

Пять лет назад она выслушала окончательный вердикт врачей – бесплодие, собрала свои манатки и ушла от Игоря к родителям. Бывшему мужу она объяснила уход грустным диагнозом, себе – нечеловеческой усталостью от никчемной семейной идиллии с человеком, вполне успешным во всех отношениях. Игорь погоревал с недельку, а потом сердобольная подружка Ася сообщила, что видела его в каком-то кабаке под руку с девицей. Ли вздохнула и спокойно и навсегда перевернула эту страницу жизни. Всё было бы хорошо, но мамыны «такого мужа как Никитин она хрен теперь отыщет» и, самое главное, что «сегодня можно сделать ЭКО, и дело в шляпе» всё сильнее накаляли обстановку с каждым днём. Часто после подобных упреков Алиса разворачивалась и уходила ночевать к Аське – та жила одна и с радостью становилась для школьной подруги жилеткой, подушкой и барменшей примерно раз в месяц. Вот и сегодня случилось обострение и, похоже, придется напрашиваться на ночлег – мама уже перешла ко второму пункту, согласно которому Алиса, дура, не оценила своего счастья, будучи замужем за директором крошечной строительной компании, чьё имя известно разве что владельцам подмосковных дач, да и то вряд ли.

– Я тебе в сотый раз говорю, брось ты свои идиотские фантазии. Вот скажи, дочь, кого ты ждешь в свои тридцать с гаком лет, а? Всех принцев разобрали, пока ты на горшок ходила. Посмотри на Эдика. Он младше тебя, а уже трое ребятшек.

– Мам, всё, завязывай, дай поесть и прекращай нотации. Эдик, кстати, уже воет от своей женушки-стервы. Не боишься еще и на сыне практиковать своё кухонное воспитание? Тебе опять в магазине кровь свернули? – девушка приоткрыла крышку дымящейся на плите кастрюльки, – Рассольник, м-м-м! Мать, ты у меня золотая женщина, когда не бредишь.

– Это я брежу? Нет, ну Алиса, ты в своём уме? Как ты с матерью разговариваешь? Ты, между прочим, живешь в родительской квартире, так веди себя как полагается.

– Мам, эта квартира на треть моя, ты забыла? Хотя ладно, – не в силах отказаться от супа, остаток обеда она просто слушала то, что знала уже наизусть, а потом также молча ушла в свою комнату. Вслед ей неслись стандартные упреки.

– Правда ты дома? Ага, всё как всегда, сейчас буду. Только соберусь на завтра. Что захватить? Нет, Ась, пить – я пас, только что супом отпоилась. Потом расскажу, это отдельная песня. Готовь уши. Всё, до встречи, – Ли положила трубку.

У них с подругой существовал странный обычай – звонить друг другу со стационарного телефона. Вероятно, это напоминало обоим детство и было такой отметочкой, что всё как раньше. На самом деле многое изменилось. Асиат Гаджиева по-прежнему жила в Мневниках, работала продавцом в «Пятерочке», мечтала о муже и пятерых сыновьях. Алиса уже ни о чем не мечтала, но и унывать не планировала.

Машина отлично вписалась между ясенем и мусорным баком – все козырные места давно распределены среди жильцов соседних многоэтажек. Девушка уже собралась выходить, но вспомнила про влажные салфетки. У Аськи сроду не водилось этой роскоши. Бардачок «Хонды» хранил в себе предметы на все случаи жизни – от авторучек до запасного аккумулятора к смартфону. Но вот этот предмет ей не принадлежал: в бардачке лежал спутниковый телефон. Ли задумчиво повертела его в руках. На маленьком дисплее мигало сообщение. Опытным путем она сообразила, где кнопка «Пуск», и услышала звуковое письмо: «Ли, если тебе будет нужна помощь или ты вдруг поймешь, где мой сын, просто набери единственный номер, который забит в память этого устройства», – далее шла пауза, и девушка уже хотела отключиться, но Александр заговорил снова. Теперь в его тоне появилось что-то такое, что она не могла идентифицировать точно: «Лиса, позвони, если будет скучно, просто выпьем виски

на крыльце моей избушки, ну или где ты сама захочешь». Сообщение закончилось, а она ещё долго смотрела на экран коммуникатора, зачем-то продолжая нажимать на уже бесполезный «Пуск».

– Как здоровье? – голос в трубке прозвучал привычно и ожидаемо, но мужчина не спешил с ответом. Он зажмурился от неудачной затяжки, выбросил сигарету и выдохнул.

– И тебе всего хорошего, Ильич. Куда-то отправляемся?

– На Запад.

– Подробности будут?

– Как всегда.

– Ладно, пойду настраивать.

Глотнув на ходу из кофейной кружки, Александр просвистел мотивчик, в котором только глухонемой не узнал бы «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Свистун из него неважный, и только эта песенка всегда выходила на ура. Остальные мелодии выходили беспорядочной какофонией звуков без права быть узнаваемыми. Иван, виртуозно насвистывавший даже оперные партии, тщетно старался его этому научить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.